

КЛАССИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается *классический стиль теоретического мышления*, господствовавший в европейском мышлении в Новое время с XV в. вплоть до XX в. Этот стиль изучен пока, как это ни странно, недостаточно.

Каждая историческая эпоха смотрит на мир своими глазами, пользуется своей специфической системой мыслительных координат. В истории теоретического мышления отчетливо выделяются несколько основных периодов, или стилей, его развития. Здание современного мышления выросло в строительных лесах предшествующих стилей мышления. И хотя эти леса давно сняты, оно во многом сохраняет на себе их черты. Интерес к старым способам теоретизирования не носит, таким образом, абстрактного исторического характера. Правильное их истолкование – предпосылка более глубокого понимания современного теоретизирования, его основных особенностей и его горизонта.

Стиль мышления. *Стиль, или способ, мышления некоторой культуры* – это совокупность глобальных, по преимуществу имплицитных предпосылок теоретического мышления этой культуры (эпохи, цивилизации), те почти незаметные для нее очки, через которые она смотрит на мир и которые не годятся для другой культуры.

Стиль мышления представляет собой сложную, иерархически упорядоченную систему неявных доминант, образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира. Эта система изменяется во времени, она подчинена определенным циклам, постоянно воспроизводит свою структуру и обуславливает специфическую реакцию на каждый включаемый в нее элемент. Иными словами, стиль мышления подобен иерархически организованному живому организму, проходящему путь от рождения до старости и смерти, непрерывно возобновляющему себя и придающему своеобразие всем протекающим в нем процессам.

Стиль мышления культуры – это, выражаясь метафорически, ветер, господствующий в рамках этой культуры и непреодолимо гнущий все в одну сторону. Но ограничения, диктуемые стилем мышления, почти не осознаются и не подвергаются исследованию теми, кто им пользуется. Только новая культура, вырабатывающая собственное, более широкое теоретическое видение, начинает замечать то летаргическое массовое ослепление, которое сковывало умы предшественников, ту общую, как говорят, систематическую ошибку, которая сдвигала и искажала все.

Стиль мышления складывается под воздействием культуры как целого и является фактором, опосредствующим ее влияние на теоретическую деятельность и науку как частную и узкую область культуры. Задавая горизонт теоретизирования и общие схемы подхода мышления к действительности, стиль мышления оказывает, в конечном счете, воздействие на все аспекты теоретизирования в конкретную культуру. Если история науки – почва, в которую уходит своими корнями научная теория, то культура и свойственный ей стиль мышления – это та зыбкая и незаметная атмосфера, общая для всех теорий, без выяснения состава и особенностей которой не могут быть в полной мере поняты ни особенности структуры и развития теорий, ни характер их обоснования в науке и укоренения в культуре.

Изучение формирования и развития научных теорий – важная, но не единственная область исторического анализа научного знания. Другой такой областью является исследование того широкого и исторически изменчивого контекста духовного производства в целом, в который всегда погружена наука, контекста культуры и прежде всего определяемого ею стиля мышления.

Изучение стилей мышления разных эпох имеет особое значение для истории и методологии науки. Воздействие стиля мышления сказывается на всех аспектах теоретизирования, начиная с формы постановки проблем, приемов исследования и обоснования и кончая манерой изложения полученных выводов и последующими спорами вокруг них. Даже мошенничество в теоретической сфере в рамках каждого из стилей имеет своеобразный характер. Естественно, что без учета влияния этой общей для многих теорий среды невозможно отчетливое понимание ни отдельных теорий, ни сопоставление разных теорий на фоне одного и того же стиля мышления, ни тем более сопоставление теорий, относящихся к разным стилям мышления. Нет смысла сопоставлять, например, средневековые теории механического движения и соответствующие теории Нового времени, не принимая во внимание, что это – теории разных эпох, а значит, разных стилей мышления. Настолько разных, что совершенно иначе понимались и «теория», и «движение», и «обоснование», и «причина».

Как уже отмечалось, стиль мышления эпохи по преимуществу имплицитен. Те, чье мышление им определяется, видят только надводную часть айсберга, на котором стоит их мышление, и могут лишь догадываться о строении его подводной части. Это во многом относится и к категориальной структуре мышления, хотя последняя более прозрачна уже потому, что она полностью артикулирована.

Существенные трудности связаны не только с пониманием особенностей стиля мышления своей культуры, но и с анализом стилей мышления других культур. Теоретический горизонт каждой культуры ограничен свойственным ей стилем мышления. Никто не может подняться над историей и выйти из своего времени, чтобы рассматривать прошлое «беспристрастно», без всякого искажения. Объективность исторична, и она прямо связана с той позицией в истории, с которой исследователь пытается воссоздать прошлое. Возможно ли в такой ситуации адекватное истолкование стилей мышления предшествующих культур? Может ли одна культура осмыслить и понять другую культуру?

О.Шпенглер, как известно, отвечал на этот вопрос отрицательно. Но если предшествующая культура непроницаема для всех последующих, остается загадкой, как ему самому удалось проникнуть в тайну описываемых им прошлых культур. «Мы ведь тоже вынуждены видеть и истолковывать прежнее мышление из горизонта определенного, т. е. нашего, мышления, – пишет М.Хайдеггер. – Точно так же, как Ницше, точно так же, как Гегель, мы не можем выйти из нашей истории и из нашего “времени” и рассмотреть само по себе прошлое с абсолютной позиции, как бы помимо всякой определенной и потому обязательно односторонней оптики. Для нас в силе то же, что для Ницше и Гегеля, – да впридачу еще то возможное обстоятельство, что горизонт нашего мышления не обладает глубиной, а тем более величиим, какого достигли в своем вопрошании те мыслители... Эта идея приближает нас к кругу подлинных решений. Вопрос об истинности данного “образа истории” заходит дальше, чем проблема исторической корректности и аккуратности в использовании и применении источников. Он соприкасается с вопросом об истине нашего местоположения в истории и заложенного в нем отношения к ее событиям»¹.

¹ Heidegger M. Der europäische Nihilismus. Pfulingen, 1967. S. 90–91.

Хайдеггер почти с той же силой, что и Шпенглер, настаивает на взаимной непроницаемости и принципиальной необъяснимости культур. Единственным приближением к чужой культуре ему представляется самостоятельное – т. е. достигаемое внутри собственной живой истории и каждый раз заново – ее осмысление. Позиция самостоятельного мыслителя, какая бы она ни была, будет уникальной и вместе с тем окончательной полноценной интерпретацией истории.

Сложная проблема соизмеримости стилей теоретического мышления разных эпох, относительной «прозрачности» предшествующих стилей для последующих не будет рассматриваться здесь. Она близка активно обсуждаемой в последнее время проблеме соизмеримости научных теорий. Можно предположить, что историческая объективность в рассмотрении теоретического мышления возможна лишь при условии признания определенной преемственности в развитии мышления. Отошедший в прошлое способ теоретизирования может быть понят, только если он рассматривается с позиции более позднего и, как можно думать, более высокого стиля мышления. Последний содержит в себе, выражаясь гегелевским языком, «в свернутом виде» предшествующие эпохи, представляет собой, так сказать, аккумулярованную историю человеческого духа².

Стили искусства. Понятие *стиля* сложилось вначале в искусстве, затем оно было перенесено и на другие области социальной жизни. Ничто в обществе не развивается чисто кумулятивно, шаг за шагом, напоминая ведущееся по кирпичику строительство дома, в ходе которого каждое новое поколение приносит свою часть кирпичей и укладывает их на место, предопределенное предыдущими поколениями. Все области социальной деятельности развиваются *волнами*, или *стилями*, причем новый стиль представляет собой не продолжение старого, а чаще всего его полное отрицание.

Понятие стиля мышления является аналогом давно вошедшего в философию искусства, эстетику и искусствознание понятия «стиль искусства». Обсуждение стилей искусства разных эпох (романика и готика в Средние века; барокко, классицизм, романтизм, реализм в Новое время; модернизм в современном искусстве) является необходимым средством периодизации истории искусства, тем общим фоном, без выявления которого теряет смысл сопоставление произведений искусства, относящихся к разным эпохам.

Как и искусство, теоретическое мышление находится в процессе постоянного изменения. Создаются новые идеи и теории, появляются новые научные школы и направления, меняются, хотя и не так часто, сами стили мышления, охватывающие относительно продолжительные исторические периоды.

В истории искусства, пишет социолог К. Манхейм, концепция стиля всегда играла особую роль, позволяла классифицировать сходства и различия, встречающиеся в разных формах искусства. Каждый согласится с мнением, что искусство развивается благодаря стилям и что эти стили появляются в определенное время и в определенном месте и по мере развития определенным образом выявляют свои формальные тенденции³.

² См. в связи с этим также: *Ивин А.А.* Стили теоретического мышления и методология науки // Философские основания науки. М., 1982; *Ivin A.A.* Styles of Theoretical Reasoning and the Development of Science // Logic, Methodology and Philosophy of Science. М., 1983; *Ивин А.А.* Стиль теоретического мышления эпохи и внешние ценности научной теории // Язык и логика. М., 1990; *Ivin A.A.* The Evolution of Theoretical Thinking // The Opened Courtain. A U.S. – Soviet Philosophy Summit. Boulder–San Francisco–Oxford, 1991; *Ивин А.А.* Интеллектуальный консенсус исторической эпохи // Познание в социальном контексте. М., 1994.

³ *Манхейм К.* Консервативная мысль // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 573.

Манхейм выдвигает тезис, что и человеческая мысль также развивается стилями и что различные школы мышления можно различать благодаря различным способам использования отдельных образцов и категорий мышления. Это делает возможной локализацию анонимного текста подобно тому, как это происходит с локализацией анонимного произведения искусства. Для этого необходимо, однако, предварительно реконструировать различные стили мышления, свойственные данной культуре.

«Интеллектуальный консенсус». Стиль теоретического мышления культуры можно было бы называть ее «интеллектуальным консенсусом»: никто не может уклониться от того интеллектуального согласия, которое царит в рамках определенной культуры. Нет человека, как бы талантлив он ни был, который оказался бы способным «встать на плечи» своих современников и увидеть то, что лежит в отдаленном будущем, за границами своей культуры, т. е. за пределами господствующего в ней стиля мышления.

Стиль мышления складывается под воздействием культуры как целого, а не отдельных ее областей, и является фактором, опосредствующим ее влияние на творчество познающего мир человека. Задавая горизонт творческого воображения и общие принципы эпистемологического освоения действительности, стиль мышления оказывает, в конечном счете, воздействие на все аспекты познания в конкретный, исторически определенный период.

Стиль мышления детерминируется культурой как целым, отдельные черты культуры воздействуют на такие специфические ее области, как физика, биология, математика, социология и т. д., лишь через общий пласт культуры, а не прямо и непосредственно.

Существуют два основных способа изложения истории мышления. Один из них можно назвать *повествовательным*, другой – *стилевым*.

При повествовательном подходе история мышления представляется как переход от творчества одного выдающегося мыслителя к творчеству другого и является эпическим рассказом о том, как менялось и совершенствовалось мышление по мере усвоения более поздними мыслителями технических, формальных и содержательных открытий, сделанных их предшественниками. Повествовательная история искусства – это расположенная в хронологическом порядке последовательность биографий крупных мыслителей и группировавшихся вокруг них школ. Такая история, разумеется, невозможна без упоминания имен мыслителей, во всяком случае, имен выдающихся мыслителей. В сущности, она представляет собой хронологическую последовательность имен крупных мыслителей, их учеников и последователей.

Ядром стилевого подхода к истории мышления является понятие стиля мышления. История мышления оказывается при стилевом подходе не последовательностью биографий людей, внесших особенно заметный вклад в науку или культуру, а анализом различных теоретических стилей, подобных схоластике – стилю средневекового мышления или классическому стилю мышления Нового времени.

Если стилевой подход проводится жестко и последовательно, то история мышления не нуждается в каких-либо персоналиях, включая даже самых выдающихся мыслителей, представлявших тот или иной стиль. Эта история оказывается анализом различных стилей мышления, их зарождения и развития, слияния и упадка.

Мнение, что возможна только повествовательная история мышления, не проводящая различий между стилями мышления разных исторических эпох и стилями в рамках отдельных эпох, является типичным *номинализмом*

в истории мышления. Существует, будто бы, только творчество отдельных мыслителей и, быть может, достаточно узких школ в науке, но нет никаких общностей, подобных «стилю средневекового мышления», «неклассическому стилю», «постнеклассическому стилю» и т. п.

Подобное представление об истории мышления как едином, непрерывном потоке, не расчленяющемся ни на какие этапы, до сих пор распространено среди эпистемологов, занимающихся обычно очень узкими периодами истории познания.

Стили в мышлении являются теми общими понятиями, введение которых является уступкой *реализму* – идее существования объектов, соответствующих общим понятиям. В истории мышления есть не только факты и конкретные «данности», т. е. единичные объекты, но и общие сущности, и без последних история теоретического мышления становится собранием не-систематизированных частных и деталей.

Если от истории мышления перейти к общей истории, то, оставаясь на позициях номинализма, следовало бы сказать, что не было ни феодализма, ни капитализма, ни социализма, а существовали только конкретные исторические деятели, жившие во вполне определенное время, были отдельные государства, войны и союзы между государствами. Такую позицию можно было бы оправдать, в частности, тем, что, например, феодализм – чрезвычайно сложен, многопланов и «многоязычен», и потому общее понятие феодализма является вредным и опасным. Не менее сложен, а значит, и опасен, и капитализм, так что историку лучше обойтись без этого понятия. Учитывая, что термин «капитализм» вошел в обиход только в начале XX в., можно сослаться на то, что, скажем, А.Смит (ему, как известно, принадлежит одно из первых глубоких описаний роли «невидимой руки» рынка и свободной конкуренции в капиталистической экономике) не имел понятия, что он живет в капиталистическом обществе. Сходным образом, древние греки не знали о себе главного – а именно того, что они древние греки. Все это могло бы рассматриваться как еще один аргумент против использования как в истории вообще, так и в истории искусства в частности, общих понятий.

Из истории исследования стилей мышления. Понятие стиля мышления употребляется в разных смыслах: от стиля мышления выдающегося ученого или конкретной научной дисциплины в определенный период ее развития до стиля теоретического – не только научного – мышления целой исторической эпохи. Интерес к стилям мышления связан, прежде всего, с общей, начавшей складываться в прошлом веке идеей, что познание детерминировано не только изучаемыми объектами, но и культурно-исторически. Стиль мышления – один из наиболее важных элементов в механизме социально-исторической детерминации человеческого познания.

Для каждой отдельной области теоретизирования эта детерминация является, так сказать, «многослойной», кроме того, ее содержание меняется с течением времени. В силу этого возникает большое число пониманий стиля мышления, различающихся предметной сферой и временем своего действия: «стиль мышления классической физики», «стиль мышления современной биологии», «физический стиль мышления», «естественнонаучный стиль мышления», «научный стиль мышления» и т. п.

Как и всякая история, история мышления складывается из ряда качественно различных этапов. Каждому из них присущ свой стиль, или способ, теоретизирования, переход от этапа к этапу представляет собой революцию в способе теоретического освоения действительности. Рассматривать историю мышления в кумулятивистском духе, как постепенное накопление все новых

и новых удачных приемов и их последовательное совершенствование – все равно, что описывать «общество вообще», отвлекаясь от качественных различий между историческими эпохами и от социальных революций, с которыми связан переход от одной из них к другой.

Понятие стиля мышления, характерного для определенного периода времени, довольно широко употребляется в философии науки⁴.

Несмотря на особый интерес к «классическому» мышлению, целостной и связной картины его пока нет. Речь обычно идет об отдельных, слабо связанных между собой его чертах, важное не отделяется от второстепенного, а то и просто недолговременного и случайного.

Ф.Ницше, резко критиковавший «классическое» мышление Нового времени, свел, в конечном счете, всю его специфику к объективизму, отождествлению истины и метода, приоритету истины над ценностью и к фундаментализму в форме поиска окончательных, абсолютно твердых оснований для знания и действия.

Э.Гуссерль, считавший господство «классического» мышления причиной кризиса «европейского человечества», выделял в качестве характерных особенностей этого стиля только дуализм и редукционизм, проявившиеся в отрыве науки от «жизненного мира» и обыденного мышления, в попытках сведения духа к природе, гуманитарных наук – к естественным⁵.

М.Хайдеггер, возводивший начало «классического» способа теоретизирования персонально к Декарту (хотя этот способ начал складываться еще в период Возрождения), сводил «классику» к объективизму с его резким и прямолинейным противопоставлением объекта и субъекта, к пренебрежению ценностями и ценностными аспектами человеческого бытия и познания⁶.

Стиль мышления эпохи представляет собой, однако, не набор некоторых «специфических», взятых в изоляции друг от друга черт, а систему связанных во многих плоскостях элементов, взаимообуславливающих и взаимотражающих смыслы друг друга. Только представление способа теоретизирования как единой, динамичной системы, как «исторического организма» способно показать его укорененность в культуре эпохи, выявить его противоречивость, объяснить неожиданную на первый взгляд смену одного способа видения мира другим и установить преемственность между внешне противоположными стилями.

В русле общей проблематики изучения стилей мышления находятся также работы Гуссерля и Хайдеггера, посвященные критике «классического» мышления, анализу той особой «области опыта», которая образует основу и предпосылку всех установок человеческого сознания и потому остается непроясненной средствами обычного теоретического мышления.

В частности, Хайдеггер очерчивает три разных «эпохи мысли», радикально сменявших друг друга: античная «первая философия» с ее вопросами о сути сущего; христианское учение с его ответами о сотворенности сущего; философские концепции Нового времени с их методами внедогматического обоснования сущего, исходя из достовернейшего бытия субъекта, человеческого сущего⁷.

⁴ Идея сменяющих друг друга «стилей теоретизирования» обсуждалась О.Шпенглером, А.Шелером, Р.Бартом, Т.Парсонсом, Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Ж.-П.Сартром и др.

⁵ См.: *Husserl E. Gesammelte Werke*. Bd. 6. S. 314–348.

⁶ См.: *Хайдеггер М.* Время картины мира // Современные концепции культурного кризиса на Западе. М., 1976; *Heidegger M. Der europäische Nihilismus*. S. 109, 119–126, 181.

⁷ См.: Там же. С. 208–249.

Начиная философию Нового времени с Декарта, утверждавшего, что критерием и сердцевинкой всего является человек, Хайдеггер полагает, что «классический» стиль мышления распространяется также на современность. Он упускает из виду перелом в способе теоретизирования, начавшийся в конце XIX в. и приведший к новому, неклассическому стилю теоретического мышления. Сам этот век кажется Хайдеггеру «непроглядным», «самым темным» в европейской истории, «отгородившим Ницше от великих мыслителей и затуманившим для него осмысленную связь времен». Очевидно, однако, что кажущаяся «темнота» XIX в. связана, прежде всего, с явно обозначившимся «разрывом времен», зарождением в этот период новой культуры и соответствующего ей стиля мышления.

Л.Витгенштейн, находившийся под явным влиянием О.Шпенглера, неоднократно говорил об очевидном сходстве между элементами одной и той же культуры: ее математикой, архитектурой, религией, политическими организациями и т. д. Одно из выражений этого сходства – свойственный культуре единый способ теоретического видения мира. Закат культуры – результат разрушения сходства ее элементов, их рассогласование и, как следствие, разрушение характерного для нее видения мира⁸.

В последнее время концепцию «стилей теоретизирования» с позиций феноменологии попытался развить Г.Уинтер. Своеобразная типология «мыслительных стилей» была предложена А.Кайзерлингом. Стили научного мышления анализировались в рамках так называемой «исторической школы» в методологии науки Т.Куном, И.Лакатосом, П.Фейерабендом и др. В частности, анализ Куном «нормальной» науки может рассматриваться также как хорошая характеристика схоластического теоретизирования вообще⁹. В целом позиция Фейерабенда может истолковываться как попытка выявить основные особенности античного стиля мышления и представить их как неотъемлемые характеристики теоретического мышления каждой эпохи¹⁰.

Нередко идея, что научное мышление зависит от исторически детерминированных общих предпосылок, выражается без использования самого выражения «стиль мышления». Так, К.Манхейм говорит о «духе времени», П.Лаудан – об «исследовательских традициях», М.Фуко – об «эпистемах» и т. д.

Классические предрассудки. Мышления беспредпосылочного, ничего не предполагающего и никаким горизонтом не ограниченного, не существует. Мышление всегда исходит из определенных, эксплицитных и имплицитных, анализируемых и принимаемых без всякого исследования *предпосылок*. Однако с течением времени эти предпосылки, т. е. то, что автоматически ставится перед посылками всякого рассуждения, неизбежно меняются. Новый социально-исторический контекст навязывает новые предпосылки, и они, как правило, оказываются несовместимыми со старыми. И если последние продолжают все-таки удерживаться, они превращаются в оковы мышления, в *предрассудки*: выше разума ставится то, что он способен уже не только осмыслить, но и подвергнуть критике.

«Классические предрассудки» – это те общие схемы мышления, которые сложились в рамках «классического» стиля мышления; но это одновременно те схемы, которые и сейчас нередко воспринимаются как «классика всякого

⁸ См. в связи с этим: Wright G.H. von. Wittgenstein in Relation to His Times // Wright G.H. von. Wittgenstein. Oxford, 1982.

⁹ См.: Кун Т. Структура научных революция. М., 1975.

¹⁰ См.: Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избр. тр. по методологии науки. М., 1986. Гл. 1, 3, 14–16.

мышления», совершенно независимая от времени. Это то, что ставится перед рассуждением («перед рассудком») и определяет общее его направление; но также то, что из необходимой и естественной в свое время предпосылки мышления успело превратиться в сковывающий его предрассудок.

Рассмотрим далее основные «классические предрассудки» более подробно.

Антиавторитарность классического мышления. Мир Нового времени – это сконструированный по научному образцу тесный, математически выверенный мир, «застывшее отражение познающего духа» (О.Шпенглер).

«Классическое» мышление подчеркнуто *антиавторитарно*. Оно не предполагает никакого канонического круга идей в качестве образца анализа. Самостоятельность мышления ставится выше ученического следования, авторитет разума, ориентирующегося на исследование природы, выше авторитета письменного источника.

Новое время резко противопоставляет себя в этом плане предшествующей эпохе. Антиавторитарная направленность несовместима с *комментаторством*, подчеркнутым ученичеством, программным отказом от новаторства, стремлением к анонимности, столь характерным для схоластического мышления. В Новое время с особой остротой встает вопрос о приоритете в открытиях и изобретениях. Споры о нем иногда затягиваются на десятилетия.

Фундаментализм и кумулятивизм. Вместе с тем «классическое» мышление, несмотря на постоянно декларируемую оппозицию схоластике, разделяет с последней целый ряд важных черт.

Прежде всего, это *фундаментализм*, уверенность в том, что всякое («подлинное») знание может и должно со временем найти абсолютно твердые и неизменные основания. Фундаментализм средневекового мышления основывался на вере в истинность и полноту божественного откровения; в «классическом» мышлении возможность твердых оснований опирается на убеждение в особой надежности данных чувственного познания или определенных истин самого разума¹¹.

Еще одной чертой, объединяющей классическое и схоластическое мышление, является *кумулятивизм*: познание уподобляется процессу бесконечного надстраивания здания, растущего вверх, но никогда не переделываемого. Кумулятивизм очевидным образом предполагает фундаментализм, ибо здание науки не может неограниченно надстраиваться, если оно не опирается на безусловно надежный фундамент.

Устойчивости убеждения в существовании абсолютного оправдания и абсолютных оснований теорий во многом способствовала математика, создававшая, как отмечает И.Лакатос, иллюзию раз и навсегда обоснованного знания. Математика ошибочно истолковывалась также и как образец строгого кумулятивизма¹².

С кумулятивизмом тесно связана идея постепенности всякого движения и развития, и в частности идея последовательного, идущего шаг за шагом приближения к истине: накопление знаний все более приоткрывает завесу над истиной, которая мыслится как предел такого «асимптотического приближения»¹³.

¹¹ О двух версиях эпистемологического фундаментализма см.: *Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge (Mass.), 1985. Ch. 1.*

¹² См.: *Lakatos I.A. Renaissance of Empiricism in the Recent Philosophy of Mathematics // British Journal for the Philosophy of Science. 1976. Vol. 27. № 3. P. 204–210.*

¹³ Более подробно о модификациях классического истолкования истины см.: *Ивин А.А. Понятие истины в научном познании // Истина в науках и философии. М., 2010.*

Обоснованность и рациональность. Понятия *обоснования* и *рациональности* играют ведущую роль в системе теоретического мышления. Проблема обоснования была стержневой для теории познания Нового времени. Конкретные формы постановки этой проблемы менялись, но в классическом мышлении они всегда были связаны с характерными для последнего фундаментализмом и кумулятивизмом, противопоставлением истины ценностям, дихотомией эмпирического и теоретического знания и другими «классическими предрассудками». Речь шла о способе или процедуре, которая обеспечивала бы безусловно твердые, неоспоримые основания для знания.

С разложением «классического» мышления стали очевидными три момента: никаких абсолютно надежных, не пересматриваемых со временем оснований теоретического знания не существует и можно говорить лишь об относительной их надежности. В процессе обоснования используются многочисленные и разнородные приемы, удельный вес которых меняется от случая к случаю и которые несводимы к какому-то ограниченному каноническому их набору. Само обоснование имеет ограниченную применимость, являясь, прежде всего, процедурой науки и связанной с ней техники, но не знания вообще.

«Классическая» проблема обоснования трансформировалась в задачу исследования того лишенного четких границ многообразия способов, с помощью которых достигается приемлемый в данной области уровень обоснованности теоретического знания. Поиски «твердых оснований» отдельных научных дисциплин перестали быть самостоятельной задачей, обособившейся от решения конкретных проблем, встающих в ходе развития этих дисциплин.

Понятие рациональности имеет многовековую историю, но только со второй половины прошлого века оно стало приобретать более общее содержание и сделалось предметом острых споров. Во многом это было связано с рассмотрением теоретического знания в его развитии, с уяснением сложности и неоднозначности процесса его обоснования. В оценке знания с точки зрения рациональности стала искажаться своеобразная компенсация выявившейся ненадежности процедур обоснования. Переосмысление «классической» проблемы обоснования выдвинуло на первый план новую проблему – проблему рациональности.

Требования обоснованности и рациональности являются двумя фундаментальными, описательно-оценочными принципами, имманентными самой сути теоретичности знания. В них аккумулируется прежний опыт познания, и вместе с тем они являются критериями оценки нового знания. Будучи в широких пределах независимыми друг от друга, они представляют собой два разных видения теоретического знания, взаимно дополняющих друг друга.

Оценка с точки зрения обоснованности относится, прежде всего, к знанию, взятому в динамике, еще не сложившемуся и ищущему оснований. Оценка с точки зрения рациональности – это по преимуществу оценка знания, рассматриваемого в статике, как нечто уже сформировавшееся и в известном смысле заверщенное. Первая оценка идет в русле аристотелевской традиции видеть мир, в том числе и теоретический, как *становление*; вторая – в русле платоновской традиции рассматривать мир как *бытие*, как нечто уже ставшее. Полная оценка элемента теоретического знания должна, однако, слагаться из этих двух исключających и вместе с тем дополняющих друг друга его видений.

Очевидна не только сложность, но и неоднозначность процедуры обоснования. Она, в сущности, никогда не завершается, и ни один ее результат, каким бы обоснованным он ни казался, не является окончательным. Осно-

вания, в силу которых принимается определенное утверждение, всегда относительно и условны: это утверждение представляется всего лишь более надежным, чем проверявшиеся параллельно с ним альтернативы; при этом предполагается, что совокупность фактов и теоретических утверждений, на фоне которых проходило сопоставление, достаточно широка и контрастна.

Процедура обоснования, не дающая бесспорных, абсолютных оснований для принятия утверждения или системы утверждений, всегда может быть не только продолжена, но и дополнена другими процедурами, и прежде всего оценкой знания с точки зрения рациональности.

Обоснованность – свойство утверждения или теории, рациональность – отношение между утверждениями или теориями. Абсолютная оценка знания с точки зрения обоснованности не является единственно возможной, как это предполагалось «классическим» мышлением. Ей сопутствует также сравнительная оценка знания в отношении его рациональности. Последняя обычно менее отчетливо выражена, но она не менее важна, чем первая.

Современная методология, в которой понятие рациональности является одним из наиболее активно обсуждаемых, хорошо показывает это. Вместе с тем она, как представляется, тяготеет к определенному преувеличению роли сравнительной оценки знания, к противопоставлению обоснованности и рациональности, а в крайних случаях даже к редукции оценки знания с точки зрения обоснованности к его оценке с точки зрения рациональности. В преувеличении роли сравнительной оценки теории и противопоставлении ее абсолютной оценке теории можно упрекнуть, в частности, Т.Куна и П.Фейерабенда, как, впрочем, и других представителей исторической школы в методологии науки.

Недемонстративные приемы обоснования. Эмпирические способы обоснования включают непосредственное наблюдение тех явлений, о которых говорится в проверяемом утверждении, и подтверждение в опыте следствий, вытекающих из него.

Теоретические способы охватывают исследование утверждения на совместимость его с другими теоретическими положениями, на применимость его ко всей совокупности относящихся к нему явлений, на выводимость его из более общих положений, на поддержку, сообщаемую ему, той теорией, в которой оно выдвинуто и которая, возможно, сама соответствующим образом перестроена, и т. д.

Эти способы обоснования, чаще других используемые в науке и составляющие, как иногда считается, суть *научного метода*, принято называть *рациональными*. Им противопоставляются приемы обоснования, не являющиеся интерсубъективными в обычном смысле и не способные, как принято думать, последовательно и в известном смысле неотвратно убеждать других. В числе таких *контекстуальных* приемов обоснования: *обращение к традиции, здравому смыслу, интуиции, вере, авторитету* и т. д. Нередко эти приемы относят к «*нерациональным*» способам обоснования. Это является очевидной ошибкой. Без этих приемов невозможны ни гуманитарные, ни социальные науки¹⁴. Наивно считать, что если указанные способы убеждения приемлемы, то лишь в идеологии и пропаганде, но никак не в науке. Нерациональной является, например, апелляция к эмоциям или к инстинктам тех, от чьего мнения зависит принятие утверждения. Но обращение к традиции или к здравому смыслу – вполне рациональные приемы обоснования. Очевидно,

¹⁴ См. в связи с этим: Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2005. Гл. 10; Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 2000. Гл. 4.

что подобные контекстуальные приемы обоснования прямо связывают понятие обоснования с определенной культурой, и потому они не могут считаться универсальными.

Таким образом, различие между рациональными и нерациональными способами обоснования является, несомненно, важным. Однако оно не совпадает с различием между «универсальными» и «контекстуальными» способами обоснования. В науке применяются и те и другие способы. Социальные и гуманитарные науки вообще невозможны без аргументов к традиции, к авторитетам, к здравому смыслу, к интуиции, вере и других «недемонстративных» способов обоснования.

Это хорошо показала философская герменевтика, так что нет необходимости останавливаться здесь на старом «классическом» предассудке¹⁵. Можно говорить о том, что наука более тяготеет к универсальным приемам аргументации, чем к контекстуальным, но социальные и гуманитарные науки охотно пользуются и последними. К тому же различие между рациональными и нерациональными способами обоснования, достаточно отчетливое в крайних, специально подобранных конкретных случаях, трудно сформулировать в общем виде. Непросто провести различие между, так сказать, «разумными» апелляциями к признанному авторитету или устоявшейся традиции и теми обращениями к ним, которые не согласуются с духом «научного критицизма».

Ссылку на интуицию принято относить к контекстуальным и даже к нерациональным приемам убеждения: то, что одному представляется интуитивно ясным и очевидным, другому может казаться лишенным всякой убедительности. Вместе с тем Декарт, как известно, считал результаты интеллектуальной интуиции более достоверными, чем даже сама дедукция. Математик Л.Брауэр считал критерием приемлемости математических методов и результатов «наглядно содержательную интуицию». Вся математика должна опираться, полагал он, на первичную интуицию ряда натуральных чисел и на принцип математической индукции, истолковываемый как требование действовать последовательно, шаг за шагом.

Абсолютная оценка знания с точки зрения обоснованности и сравнительная его оценка с точки зрения рациональности предполагают и дополняют друг друга, подобно тому как оценка поступка как позитивно ценного, так или иначе, предполагает сопоставление его с другими позитивными поступками. Существенно также, что две разных оценки – абсолютная и сравнительная – могут вступать в конфликт и как бы противоречить друг другу. Это опять-таки подобно ситуации, когда хороший поступок одновременно расценивается как худший, чем какой-то другой.

Аналитичность и всеобщая определенность. Для «классического» мышления характерна, далее, *аналитичность* – представление о дробности, существенной независимости друг от друга как «элементов мира», так и «элементов знания». Мир и знание мыслятся хорошо структурированными, слагающимися из четко очерченных и ясно отграниченных друг от друга элементов. «Атомистичность» в восприятии мира была свойственна и средневековому мышлению. Но если в последнем в центре внимания стоит сам объект, особенности которого и его связи определяются его сущностью, то в «классическом» мышлении главный акцент делается на законах взаимодействия автономных объектов, определяемых опять-таки их сущностями.

¹⁵ См., в частности: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. Ч. 2. Гл. II.

Влиятельная в античности идея неделимого и бесструктурного целого, *идея зависимости частей от целого* и даже растворенности их в нем стала возрождаться только с закатом «классического» мышления. *Системный подход* с его постулатом взаимозависимости частей и целого не совместим ни со схоластическим, ни с «классическим» мышлением.

Пренебрежение системностью научной теории ведет к представлению о ней как о совокупности отдельных высказываний, имеющих не только самостоятельное значение, но и обосновываемых независимо друг от друга. Проблема истины ставится как проблема соответствия изолированного утверждения описываемому им фрагменту действительности.

«Классические» дихотомии. С аналитичностью классического мышления, с отсутствием внимания к системности мира и знания непосредственно связаны характерные для этого мышления резкие дихотомии между теоретическим и эмпирическим знанием, аналитическим и синтетическим знанием и т. д. Предполагается, в частности, что мир распадается на отдельные, устойчивые факты, и задача науки – их тщательное описание и убедительное объяснение. Факты теоретически нейтральны и могут быть выражены в некотором языке, не зависящем от любых теоретических представлений. Поскольку факты теоретически не нагружены, они остаются неизменными при появлении новых их толкований. Очевидна связь такого разграничения эмпирического и теоретического с фундаментализмом и культизмом.

Универсальное требование строгих определений. С «атомистическим» представлением о мире и знании связана свойственная «классическому» мышлению убежденность во *всеобщей определенности*. Всякий объект может быть достаточно строго очерчен и ясно отграничен от других объектов. Отсюда бесконечные поиски *определений* и вера в их особую, если не исключительную роль в науке.

Но еще Б.Паскаль отмечал, что невозможно определить все, точно так же, как невозможно доказать все. Определение сводит неизвестное к известному, не более того. Оно всегда предполагает, что есть вещи, известные без всякого определения и разъяснения, ясные сами по себе, они меньше всего нуждаются в определении. «Само собой понятное и очевидное не следует определять: определение лишь затемнит его», – писал Паскаль.

Определения действуют в весьма узком интервале. С одной стороны, он ограничен тем, что признается очевидным и не нуждающимся в особом разъяснении, сведении к чему-то еще более известному и очевидному. С другой стороны, область успешного применения определений ограничена тем, что остается пока еще недостаточно изученным и понятым, чтобы дать ему точную характеристику. В частности, ключевые понятия научных дисциплин («доказательство» – в логике, «множество» – в математике, «вид» – в биологии и т. п.) вообще не допускают однозначного определения.

Всеобщая математизация. Еще один «классический» предрассудок – *стремление к всеобщей математизации*. Оно опирается на убеждение, что в каждой науке столько знания, сколько в ней математики, и что все науки, включая и гуманитарные, требуют внедрения в них математических идей и методов.

«Нет достоверности там, – писал еще Леонардо да Винчи, – где нельзя применить одну из математических наук, или у того, что не может быть связано с математикой»¹⁶. Никакое человеческое исследование, говорил Леонардо, не может быть названо истинной наукой, если оно не проходит через

¹⁶ Леонардо да Винчи. Книга о живописи. М., 1934. С. 61.

математические доказательства¹⁷. Известно, что Леонардо считал наукой живопись, поскольку она пользуется геометрической системой перспективы, но не относил к наукам поэзию, не имеющую связи с математикой. Г.Галилей был твердо убежден, что «книга природы написана на языке математики» и что этот язык представляет собой универсальный язык науки.

До сих пор повторяется как нечто само собой разумеющееся, что наука «только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой» (К.Маркс).

Однако уже в самом начале прошлого века В.И.Вернадский ясно и недвусмысленно ограничил роль математики даже в естествознании. Весьма часто, писал он, приходится слышать утверждение, явно не соответствующее научному развитию: точное знание достигается лишь при получении математической формулы, лишь тогда, когда к объяснению явления и к его точному описанию могут быть приложены символы и построения математики. Это стремление сослужило и служит огромную службу в развитии научного мировоззрения, но привнесено оно ему извне и само не вытекает из хода научной мысли. Оно привело к созданию новых отделов знания, которые иначе едва ли бы возникли, например, математической логики или социальной физики. Но нет никаких оснований думать, что при дальнейшем развитии науки все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы, нельзя думать, что в этом заключается конечная цель научной работы¹⁸.

Дуализм. Для «классического» мышления, особенно в заключительный период его развития, характерен не только *дуализм* эмпирического и теоретического, аналитического и синтетического, но также дуализм субъекта и объекта, теоретического и практического, телесного и духовного, созерцания и деятельности, науки и ненауки, истины и ценности, естественного и гуманитарного знания, первичных и вторичных качеств и т. д. «Классическое» мышление, как правило, не схватывает сложные, в особенности социальные объекты в единстве составляющих их сторон. Оно постоянно обнаруживает у таких объектов два противостоящих, исключаящих друг друга аспекта, соединяемых в единое целое чисто внешним образом.

Сведение объективности и обоснованности к истинности. Еще один «классический» предрассудок – сведение *объективности и обоснованности знания* к его *истинности*. Предполагается, что только истина, зависящая лишь от устройства мира и потому не имеющая градаций и степеней, являющаяся вечной и неизменной, может быть надежным основанием для знания и действия. Там, где нет истины, нет и обоснованности, и все является субъективным, неустойчивым и ненадежным. Все формы отражения действительности характеризуются в терминах истины: речь идет не только об «истинах морали», но даже об «истинах поэзии». Добро и красота оказываются в итоге частными случаями истины, ее «практическими» разновидностями.

Редукция объективности и обоснованности к истинности имела одним из своих следствий сведение всех употреблений языка к *описанию*: только оно может быть истинным и, значит, надежным.

Истина и ценность. Понятие ценности является столь же важным для эпистемологии науки, как и понятие истины. Эпистемология Нового времени сделала осью всех своих рассуждений о знании истину, ценностная сторона процессов познания ушла в глубокую тень. Теоретическое освое-

¹⁷ Леонардо да Винчи. Книга о живописи. С. 60.

¹⁸ Вернадский В.И. Избр. тр. по истории науки. М., 1981. С. 46.

ние мира оказалось оторванным от практического, предметного его преобразования, познание утратило характер деятельности и превратилось в пассивное созерцание.

Современная эпистемология – и в последние десятилетия это особенно заметно – все более фокусирует свое внимание на деятельностных и тем самым ценностных аспектах научного познания. Становится все более очевидным, что вопреки старому убеждению знание не сводимо к истине и включает также ценности. Знать – значит не только иметь представление о том, что *есть*, но и представление о том, что *должно быть*.

Понятие ценности стало вторгаться в философские рассуждения с середины XIX в. Было бы неточным связывать становление проблемы ценностей с каким-то одним философским направлением, скажем с неокантианством или философией жизни. Эта проблема складывалась в широком контексте философского анализа человеческой деятельности.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, в каких бы формах она ни протекала. Научное познание как специальный случай деятельности также насквозь пронизано ценностями и без них немислимо. В эпистемологию ценности входили, однако, не без трудностей. Во многом это было связано с распространенностью неопозитивистского в своей основе тезиса, что наука не должна содержать ценностей.

С кризисом неопозитивизма заметно активизировалась критика требования исключать ценности из науки. Хотя само слово «ценность» употребляется в эпистемологии относительно редко, тема ценностей, входящая с разнообразными иными понятиями, является сейчас центром большинства методологических дискуссий¹⁹.

Без ценностей нет социальных наук, которые, подобно этике, политической экономии, теории права и т. д., ставят своей непосредственной задачей обоснование и утверждение определенных, социально значимых ценностей. Без ценностей нет естественных наук: понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, т.е. с позиции устоявшихся, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном», или «естественном», ходе вещей.

Философская герменевтика долгое время утверждала, что пониматься может только текст. В. Дильтей, в частности, ясно и недвусмысленно заявлял: «Понимание природы – *interpretation naturae* – это образное выражение»²⁰. Еще резче высказывались герменевтики о понимании человеческого поведения: оно не является каким-либо текстом и потому не способно быть предметом понимания. Иного мнения о понимании придерживаются, однако, ученые, изучающие природу. Так, одна из глав книги В. Гейзенберга «Часть и целое»²¹ симптоматично называется «Понятие понимания в современной физике (1920–1922)». По Гейзенбергу, понять какое-то природное явление – значит подвести его под стандартное представление о том, что происходит в природе. Это «стандартное представление» А. Грюнбаум называет «естественным ходом вещей»²².

Без ценностей нет, наконец, логико-математического знания, прескриптивная интерпретация которого является даже более обычной, чем его дескриптивная интерпретация.

¹⁹ См. в связи с этим: Ивин А.А. Ценности и понимание // *Вопр. философии*. 1987. № 8.

²⁰ *Dilthey W. Gesammelte Schriften*. Leipzig, 1924. S. 324.

²¹ *Гейзенберг В.* Часть и целое. М., 1987. Гл. 1.

²² См.: Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М., 1969. С. 501. Более подробно понимание природы рассматривается в работе: Ивин А.А. Проблема понимания природы // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. XIV. № 8.

Уже это краткое перечисление особенностей стиля мышления Нового времени показывает, сколь существенно он отличается как от средневекового, так и от современного мышления.

Неклассическая и постнеклассическая наука. Уход с исторической арены классического стиля мышления был обусловлен изменениями культуры все более крепнувшего индустриального общества и, в особенности, возникновением и последующим бурным развитием современной науки.

Начиная с Нового времени, природа оценивается как самодостаточная реальность, не нуждающаяся в перенесении на нее свойств бога или человека. Она живет по собственным, имманентным ей законам, понять и принять которые должен человек. Наряду с миром культуры человек «открывает», таким образом, существующий независимо от него и в известном смысле более фундаментальный мир природы.

Противопоставление современной науки, начавшей формироваться в XVI–XVII вв., предшествующим этапам развития науки связано со многими обстоятельствами. Прежде всего, возникновение науки в современном смысле этого слова связано со становлением научного метода и постепенным отделением конкретных научных дисциплин, подобных физике, химии, биологии (и уже в XIX в. – психологии, логики и др.) от философии и от так называемой «натуральной философии», в рамках которой развивал свои физические теории еще И.Ньютон. Становление современной науки привело также к формированию совершенно новой системы научных категорий, которая с определенными модификациями используется наукой и теперь. Были сформулированы основные ценности, или идеалы, науки и уточнены способы научного обоснования, центральное место среди которых прочно заняло эмпирическое обоснование. И наконец, на смену схоластике пришел совершенно новый стиль мышления, в рамках которого только и могла развиваться наука.

Таким образом, наука в современном смысле слова – исторически сравнительно новое явление. Она существует всего около четырехсот лет. В XIX в. самостоятельной дисциплиной стала, в частности, экономическая наука. Примечательно, что первоначально она считалась (в частности одним из ее родоначальников – А.Смитом) не социальной, а естественнонаучной дисциплиной. Во второй половине того же века от философии отделились психология, социология и логика. Самостоятельность психологии была связана с проникновением в нее экспериментального метода. Новая логика, не являющаяся уже разделом философии, возникла в результате проникновения в философскую логику методов, традиционно применявшихся в математике.

Постепенное выделение из философии отдельных наук было только преддверием грандиозного переворота в науке в целом. В начале XX в. на смену *классической науке* пришла *неклассическая наука*. Квантовая механика заменила классическую механику И.Ньютона. А.Эйнштейном была сформулирована общая теория относительности.

В 50-гг. прошлого века начала складываться так называемая *постнеклассическая наука*²³. Новые стили мышления наиболее ярко проявили себя именно в науке, хотя ни одна область теоретического мышления не могла ускользнуть от их воздействия.

Классическая наука исходила из предположения, что познающий субъект и познаваемый объект существуют отдельно и независимо друг от друга и что субъект как бы со стороны взирает на мир. Объективность научного знания ставилась в зависимость от исключения из описания и объяснения мира всего, что относится к познающему субъекту и его деятельности.

²³ См. об этом более подробно: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.

Неклассическая наука стала непосредственно соотносить познаваемые объекты со средствами и операциями по их познанию. Уточнение используемых исследователем средств и операций считалось условием получения истинного знания об объекте. Образцом такого подхода является квантовомеханика.

Постнеклассическая наука принимает во внимание не только связь знаний об объекте со средствами их познания, но и связь знаний с ценностно-целевыми структурами научной деятельности. Уточненные научные ценности в дальнейшем соотносятся с социальными целями и ценностями. В постнеклассической науке все большее место занимают сложные, исторически развивающиеся системы, включающие человека.

Таковы, в частности, объекты современных биотехнологий, прежде всего геномной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, системы, соединяющие человека и машину, подобные системам искусственного интеллекта, социальным объектам и т. д. В сложных синергетических системах само человеческое действие превращается в компонент изучаемой системы.

Подводя итог, можно отметить, что трудно рассуждать об общих чертах неклассического и постнеклассического мышления: эти стили мышления отделены от настоящего слишком малым промежутком времени. Но важно, что эти стили, или способы, мышления выросли в лесах классического мышления.

Именно оно представляло собой ту духовную атмосферу, в которой стало складываться индустриальное общество, и после многих веков господства средневековой схоластики, начала формироваться современная наука. «Классическим» этот стиль мышления называться и потому, что в период его господства произошла, как говорит К.Ясперс, вторая – после «осевого времени» VIII–IV вв. до н.э. – революция в процессе становлении современного человека.

Те, кто находится под воздействием какого-то стиля мышления плохо представляют, какие именно ограничения на их мышление налагает этот стиль. Легко рассуждать о стиле античного или средневекового мышления, отделенных от нас тысячелетиями. Гораздо сложнее говорить о более близком к нам по времени классическом мышлении и неклассическом мышлении. И вряд ли вообще возможен сколько-нибудь содержательный разговор о постнеклассическом мышлении, в рамках которого мы сами теперь рассуждаем.